

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-41-50>

Сопоставительный анализ русских и персидских отадъективных существительных со значением цвета

Таджик Нафисе¹, Мадаени-Аввал Али², Захраи Сейед-Хасан³

^{1, 2, 3} Тегеранский университет, Тегеран, Иран

¹ ntajik@ut.ac.ir, 0009-0001-0231-9483

² amadayen@ut.ac.ir

³ hzahraee@ut.ac.ir

Аннотация

Проводится сравнительный анализ русских отадъективных синтаксических дериватов, образованных от прилагательных с семантикой цвета, с их аналогами в персидском языке. Исследование охватывает двенадцать основных цветовых терминов, принятых в русском и персидском языках, такие как: белый (сфید *sefid*), черный (سیاه *siyāh*), желтый (زر *zard*), красный (قرمز *qermez*), синий (سرخ *sorx*), зеленый (سبز *sabz*), фиолетовый (بنفش *banafš*), розовый (صورتی *surati*), оранжевый (نارنجی *nārenji*), голубой (آبی *ābi*), серый (خاکستری *xākestari*) и коричневый (قهوه ای *qahve'i*) (по определению Б. Берлина и П. Кея). Осуществляется рассмотрение некоторых структурно-семантических сходств и различий между русскими цветообозначениями-существительными и их персидскими эквивалентами. Теоретическая часть включает наиболее важные и известные взгляды русских и иранских ученых, лингвистов и исследователей, которые внесли значительный вклад в изучение данной темы. Целью данной работы является оказание помощи русским и иранским студентам в преодолении трудностей, с которыми они сталкиваются при переводе данных производных. В результате анализа было выявлено, что для русских отадъективных существительных с семантикой цвета характерны два типа значений: отвлеченнное и опредмеченное, в то время как для персидских – еще и инфинитивное. Представлены рекомендации по правильному переводу данных дериватов. Результаты исследования могут быть использованы в исследовательской и переводческой деятельности, а также при уточнении значений отадъективных цветообозначений-существительных в русско-персидских и персидско-русских толковых словарях. Кроме того, результаты могут быть полезны для расширения словарных баз онлайн-словарей и повышения точности нейронного машинного перевода. Следует отметить, что данная проблема недостаточно изучена и требует проведения дальнейших исследований.

Ключевые слова: отадъективные существительные, синтаксическая деривация, основные цветовые термины, лексика цветообозначений, семантика цветовых терминов, лингвистический перевод, русский язык, персидский язык, контрастивная лингвистика, структурно-семантическое сопоставление

Для цитирования: Таджик Нафисе, Мадаени-Аввал Али, Захраи Сейед Хасан. Сопоставительный анализ русских и персидских отадъективных существительных со значением цвета // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2025. Вып. 4 (240). С. 41–50. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-41-50>

COMPARATIVE LINGUISTICS

Comparative analysis of Russian and Persian otadjectival syntactic derivatives denoting color

Tajik Nafiseh¹, Madayeni-Avval Ali², Zahraei Seyed-Hasan³

^{1, 2, 3} University of Tehran (Faculty of foreign languages and literature), Tehran, Iran

¹ ntajik@ut.ac.ir, 0009-0001-0231-9483

² amadayen@ut.ac.ir

³ hzahraee@ut.ac.ir

Abstract

The article provides a comparative analysis of Russian syntactic derivatives formed from adjectives with color semantics and their analogues in the Persian language. The study focuses on twelve basic color terms that are accepted in Russian and Persian languages, such as: *white* (*sefid* سفید), *black* (*siyāh* سیاه), *yellow* (*zard* زرد), *red* (*qermez* رنگ), *green* (*sabz* سبز), *purple* (*banafš* بنفش), *pink* (*surati* صورتی), *orange* (*nārenji* نارنجی), *blue* (*ābi* آبی), *light blue* (*nilgun* نیلگون), *gray* (*xākestari* خاکستری) and *brown* (*qahve'i*) (as defined by B. Berlin and P. Kay). The article explores the structural and semantic similarities and differences between these deadjectival derivatives in Russian and their equivalents in Persian. The theoretical part of the article presents the views of some of the most prominent Russian and Iranian scholars, linguists, and researchers who have contributed to the study of this topic. The purpose of this study is to assist Russian and Iranian students in overcoming the difficulties they encounter when translating these derivative words. During the research, a descriptive approach to linguistic analysis was employed, including the observation and comparison of linguistic data obtained from the National Corpus of the Russian Language (NCRL). As a result of the analysis, it was revealed that Russian deadjectival nouns representing color are characterized by two meanings: abstract and objectified, while Persian ones also have the meaning of infinitives. The article offers recommendations for the correct translation of these derivative words. The findings of this research can be utilized in research and translation efforts, as well as for clarifying the meanings of Russian deadjectival derivatives denoting color in both Russian-Persian and Persian-Russian bilingual dictionaries. In addition, the findings can be beneficial for enhancing online dictionary databases and enhancing the accuracy of neural machine translation. However, it should be noted that this issue has not been thoroughly investigated and requires further study.

Keywords: deadjectival nominals, syntactic derivation, basic color terms, color term lexicon, semantics of color terminology, linguistic translation, Russian language, Persian language, contrastive linguistics, structural-semantic comparison

For citation: Tajik Nafiseh, Madayeni-Avval Ali, Zahraei Seyed-Hasan. Sopostavitel'nyy analiz russkikh i persidskikh otad'yektivnykh sushchestvitel'nykh so znacheniyem tsvetov [Comparative analysis of Russian and Persian otadjectival syntactic derivatives denoting color]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2025, vol. 4 (240), pp. 41–50 (in Russian). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2025-4-41-50>

Введение

Синтаксические дериваты представляют интерес для многих исследователей. Среди работ, посвященных синтаксической деривации, можно выделить исследования таких выдающихся ученых и лингвистов, как Е. Курилович (1936), Е.С. Кубрякова (1981), Н.Ю. Шведова (1980) и Д.Р. Шарафутдинов (1998). В настоящее время в области русского словообразования заслуживают упоминания работы Е.А. Земской (2011), Н.В. Беловой (2007) и М.Б. Ташлыковой (2013).

Что касается современного состояния деривации в персидском языке, то ему посвящены работы видных лингвистов и исследователей, среди

которых можно назвать Мохаммад Моин, Навид Фазел, Хосро Фаршидвард, Парвиз Натель-Ханляри, Махди Мешкатоддини, Иран Калбаси и Хосро Кешани.

Несмотря на многочисленные исследования в области синтаксической деривации, вопрос о различных особенностях отадъективных существительных остается недостаточно изученным, особенно в контексте существительных, образованных от цветовых обозначений. Это подтверждается замечанием М.Б. Ташлыковой, которая в своей статье отмечает, что «системное обследование всего массива отвлеченных имен не проводилось» [1, с. 33].

Насколько известно, до настоящего времени не проводилось сравнительного исследования, в рамках которого сопоставлялись бы, например, русское слово «белизна» и персидское «سفیدی [sefid-i]» с целью выявления сходств и различий в структурах и значениях этих понятий в русском и персидском языках.

Кроме того, иранские студенты сталкиваются с трудностями при переводе текстов, содержащих слова «синева», «серость» и другие подобные, поскольку в таких случаях суффиксальный способ образования отадъективных существительных в персидском языке уже не так эффективен, и сочетания, такие как «*ابی ای [ābi i]» и «*خاکستری ای [xākestari i]», вообще недопустимы в персидской грамматике.

А насчет принятой в обоих языках терминологии, следует отметить то, что в русском языке понимается под термином «отадъективное существительное» в персидском словообразовании именуется как «اسم مصدر [esm-e masdar]», «اسم صفت [hāsel-e masdar]», «اسم معنی [esm-e ma'ni]», «مشتق از صفت [moštaq az sefat]» или «مشتق از صفت [moštaq az sefat]». Однако среди исследователей нет единого мнения о том, какое из этих названий наиболее подходит для данной лексико-семантической парадигмы [2]. В качестве синонима этих понятий предлагается термин «اسم صفت [esm-e sefat]», который понимается авторами в настоящей статье как «существительные, образованные от двенадцати основных цветовых терминов».

Что касается русского языка, то существует несколько взаимозаменяемых терминов: отадъективное существительное – деадъектив – отадъективный синтаксический дериват – имя признака/качества – *nomen qualitatis*.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена широкой распространностью отадъективных существительных, обозначающих цвет, как в художественных произведениях, так и в живой разговорной и письменной речи. По справедливому замечанию Д.Р. Шарафутдинова, «задача трансформации прилагательного в существительное возникает перед говорящим весьма нередко. Ее решение позволяет максимально точно выражать мысль и существенно упрощать синтаксическую организацию предложения и текста в целом» [3, с. 3].

Целью данной статьи является проведение сопоставительного анализа отадъективных существительных, обозначающих цвет, в русском и

персидском языках. Это позволит выявить сходства и различия в их структуре и семантике, что, по словам Л.А. Козловой, необходимо «для осознанного усвоения иностранного языка и для его преподавания на основе принципа сознательной опоры на родной язык» [4, с. 25].

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Объяснить основные понятия, необходимые для изучения отадъективных существительных с семантикой цвета, такие как «синтаксическая деривация», «основные цветовые термины», «транспозиция» и т. д.

2. Определить словообразовательную структуру и способы образования данных существительных, а также их соотношение с лексической семантикой аналогичных дериватов в русском и персидском языках.

3. Охарактеризовать ряд контекстуальных факторов, влияющих на выбор и употребление той или иной словоформы.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые проводится структурно-семантическое сопоставление 12 русских цветообозначений-существительных с их аналогами в персидском языке.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется тем, что ее результаты могут быть использованы для дальнейшего исследования этого словообразовательного типа в практике перевода художественных текстов с русского языка на персидский и, наоборот, на занятиях по словообразованию обоих языков, в процессе обучения студентов, изучающих русский или персидский как иностранный, а также в исследовательской деятельности в данной области. Полученные результаты также могут быть полезны при уточнении значений отадъективных цветообозначений-существительных в русско-персидских и персидско-русских толковых словарях. Кроме того, они могут быть использованы для расширения словарных баз онлайн-словарей и повышения точности нейронного машинного перевода.

Материал и методы

В ходе исследования применялся описательный метод лингвистического анализа, который включает в себя наблюдение и сопоставление материалов, извлеченных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5].

Об отадъективных цветообозначениях-существительных в русском языке

В последние годы понятие «синтаксическая деривация» стало предметом изучения в ряде научных работ, включая диссертации и статьи. Эти существительные благодаря своей способности одновременно выражать предметность и признакомость предоставляют говорящим широкие возможности для выполнения «определенных синтаксических и дискурсивных функций» [6, с. 219]. «Говорящий в зависимости от интенции и особенностей коммуникативной ситуации выбирает из целостного фрейма определенный концепт, в результате чего в сознании формируется пропозициональная структура, которая в зависимости от условий коммуникации может быть вербализована как однословная номинация (транспозит) либо как полилексемный комплекс (словосочетание или предложение)» [7, с. 7].

Термин «синтаксическая деривация» связан с именем польского лингвиста Ежи Куриловича. Он первым разграничил понятия лексической и синтаксической деривации. По его мнению, лексическая деривация изменяет только лексическое значение производного, например, *желтый* → *желток*. Синтаксическая деривация, в свою очередь, изменяет только частеречную принадлежность производящего слова, сохраняя при этом его лексико-семантическую идентичность, как это видно на примере *желтый* → *желтизна*. [8]. «Деление словообразовательных типов на область лексической и синтаксической деривации есть основное, принципиальное деление всей системы словообразования» [9, с. 85].

В области синтаксических дериватов наибольшее внимание уделяется отглагольным и отадъективным существительным. Уже известно, что «все существующие в современном русском языке словообразовательные типы распределяются по этим двум сферам деривации» [10, с. 228].

В настоящей статье центральное внимание уделяется второму типу трансформации, который заключается в преобразовании прилагательного, обозначающего цвет, в отвлеченное существительное.

В ходе эксперимента, проведенного в 1969 г., Брент Берлин и Пол Кей выделили одиннадцать основных цветовых терминов для большинства языков мира. Что касается русского языка, то к

этим цветовым терминам они добавили цвет *голубой* (белый + синий) – потенциальный пример двенадцатого основного цветового термина; это, безусловно, основной термин для некоторых носителей русского языка, хотя, вероятно, не для всех» [11, с. 640]. И. Дэвис и Г. Корбетт в своей статье [12] исследовали теорию Б. Берлина и П. Кея и пришли к выводу, что в русском языке действительно существуют двенадцать основных цветовых терминов, включая два цветообозначения *синий* и *голубой*. Об этом свидетельствует статья А.П. Василевича, в которой написано, что «сопоставляя системы цветообозначений в разных языках, исследователи неизменно отмечают особенность русского и некоторых других языков, в которых для области синего цвета существует два основных названия *синий* и *голубой*. Соответственно, если в других индоевропейских группах основных цветообозначений включает 11 слов, в русском языке она стоит из 12» [13].

Таким образом, в русском языке существуют двенадцать основных цветообозначений: белый (*свід* *sefid*), черный (*سیاه* *siyāh*), желтый (*زرد* *zard*), красный (*قرمز* *qermez*), зеленый (*سبز* *sabz*), фиолетовый (*بنفش* *banafš*), голубой (*نیلگون* *nilgun*), розовый (*صورتی* *surati*), оранжевый (*نارنجی* *nārenji*), синий (*آبی* *ābi*), серый (*خاکستری* *xākestari*) и коричневый (*قهوه ای* *qahve'i*).

В своей магистерской диссертации П.Д. Муршова пишет, что «в русском языке есть три типа цветообозначений-существительных. Первым является субстантивированное прилагательное – красный, белый, зеленый («в Гражданской войне победили красные»). Второе – это существительное, характеризующее свойство объекта. При этом особо интересным представляется словообразовательный аспект, так как цветообозначение-существительное данного типа образовано по-своему: *белизна*, *голубизна*, *желтизна*, *чернота*, *краснота*, *серость*, *синева*, *зелень*. Любопытно, что *коричневый*, *оранжевый* и *фиолетовый* в русском языке существительных не имеют, в отличие от *пурпурного* – *пурпур*. К третьему типу относятся бытовые названия болезней – *краснуха* и *желтуха*, а также лекарств – *зеленка*, *ягод* – *голубика*, *черника*» [14, с. 36–37].

Интересным представляется и то, что в персидском языке как и в русском не существует существительных, образованных от цветообозначений коричневый и оранжевый. Однако от персидского колоратива (что означает «фиолетовый») можно образовать существительное «بنفسی» [banafši], но оно используется крайне редко.

Хотя в некоторых текстах на русском языке можно встретить такие образования, как *фиолетовость, оранжевость и коричнева*, но, по-видимому, они используются исключительно в художественных целях. Вот несколько примеров, которые можно найти на сайте Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [5]:

Незабываемо чувство, что только на испанском подлинно выражена прозрачно-зеленая красота апреля и фиолетовость теней лунной ночью (Р.М. Фрумкина. О нас – наискосок (1995)).
این یک احساس فراموش نشدنی است که تنها به زبان اسپانیایی، زیبایی سبز و شفاف آوریل و بنفشی (*banafši-ye*) سایه های شب مهتابی حقیقتاً قابل بیان است.

Некоторые гильзы были стреляные, темные, с прозеленью. Зато остальные – новенькие, золотистого, переходящего в оранжевость цвета (Юрий Казаков. Долгие крики (1966–1972)).
بعضی از پوکه های فشنگ ها، شلیک شده، تیره و سبز رنگ بودند.
در عوض، بقیه آن ها کاملاً نو و به رنگ طلایی در حال تبدیل شدن به رنگ [نارنجی] (*[rang-e] nārenji*) بودند.

На этот раз причина была в последнем, она не сразу поняла, что я имею в виду, а когда поняла, теплая коричнева изгнала накат холодной белизны (Ю.М. Нагибин. В те юные годы (1983)).

این بار دلیلش مورد آخر بود، او بالافصله متوجه نشد که منظور من چیست و وقتی که فهمید، رنگ قهوه ای (*rang-e qahve'i-ye*) گرمی، پوششی از سفیدی (*sefidi-ye*) سرد را از بین برد (در مورد چشم ها).

От остальных русских основных цветообозначений также можно образовать синтаксические дериваты, хотя некоторые из них не имеют точного соответствия в персидском языке. Например:

Казалось настоящей загадкой природы, откуда из сплошной крепкой зелени при нагревании возникает эта розовость (Катя Метелица. Гусиные ягоды (1997) // «Столица», 26.08.1997).

این موضوع که هنگام گرم شدن، این رنگ صورتی (*rang-e surati*) از کجای آن [رنگ] سبز (*[rang-e] sabz-e*) پر رنگ و یک دست ناشی می شود، معماً واقعی طبیعت به نظر می رسید.

Дорога совсем выпала из памяти. Первое впечатление от Петербурга – серость. Все было серым: и дома, и небо, и мостовые (И. Грекова. Фаизан (1984)).

جاده به طور کامل از حافظه ام پاک شده است. اولین برداشت [من] از سن پترزبورگ، رنگ خاکستری (*rang-e xākestari*) است. همه چیز خاکستری بود: هم خانه ها، هم آسمان، هم پیاده رو ها.

День был серого света, и обе части – серость и свет – работали в свою обычную, ленинградскую, начала марта, силу (Анатолий Найман. Колыбель (2012) // «Октябрь», 2013).

روز، نوری خاکستری داشت و هر دو قسمت، یعنی رنگ خاکستری (*rang-e xākestari*) و نور، به قوت معمول روزهای اول مارس لینینگراد باقی بودند.

Исчезла краснота, но после этого ноги стали быстро замерзать даже при небольшом морозе (Юрий Никулин. Семь долгих лет (1979)).

قرمزی (*qermezi*) از بین رفت، اما بعد از آن، پاهای حتی با وجود سرمای اندک به سرعت شروع به بخ زدن کردند.

Причем, скорее, не потемнело, а свет стал холдний, сероватый, желтизна исчезла (И. Коcтекций. Солнечное затмение в августе // «Наука и жизнь», 2008).

علاوه بر این، به احتمال زیاد هوا تاریک نشد بلکه نور، سرد و خاکستری رنگ شد، زردی (*zardi*) از بین رفت.

Это просто лента из ниоткуда в никуда. Две краски: белизна дороги, чернота ночи. И я иду по этой дороге (Марина Палей. Поминование (1987)).

این [جاده] فقط یک نوار از هیچ کجا به هیچ کجا است. دو رنگ (دیده می شود): سفیدی (*sefidi-ye*) جاده و سیاهی (*siyāhi-ye*) شب. و من، پیاده از این جاده می روم.

Касательно разграничения между колоративом «белый» и образованным от него синтаксическим дериватом «белизна», М.Б. Ташлыкова в своем труде, ссылаясь на мнение У. Крофта, отмечает, что «различие между словами типа whiteness (белизна) и white (белый) состоит в том, что здесь мыслятся разные вещи. Один раз человек хочет отослать непосредственно к свойству, не приписывая его никакому объекту, в другом случае, напротив, он хочет охарактеризовать им определенный объект» [15, с. 31].

О таком различии Е.С. Кубрякова пишет, что «сдвиг в категориальной принадлежности слова (переход в другую ЧР) влечет за собой сдвиг и в том, что находится при этом в фокусе внимания. Так, <...> в *белой скатерти* внимание фокусируется скорее на скатерти, а в *белизне скатерти* – на белизне как ее отдельном свойстве» [6, с. 207].

Иными словами, «в процессе деривации осуществляется перенос синтаксического центра в семантически подчиненный, зависимый элемент с целью его выделения» [16, с. 131]. В предложениях, где отадъективное существительное выступает в роли подлежащего, «субъект действия становится перифразтическим, вместо предмета называется его характерный признак <...>: *белизна размножается*» [17, с. 174].

Касаясь разницы между *белизной* и *белым* или *чернотой* и *черным* и т. д., Е.А. Земская отмечает, что такие существительные, как *белизна*, *чернота*, *желтизна*, *синева* и т. п., обозначают «без всякой семантической добавки опредмеченный признак, выражаемый прилагательным» и выражают отвлеченный признак «или точнее, признак в отвлечении от его носителя» [18, с. 194].

В своей книге М.Н. Янценецкая семантически делит все словообразовательные отношения типа «прилагательное – существительное» на два типа: «признак – носитель признака» и «признак – отвлеченный признак». По ее словам, производные существительные первого вида значения «естественно получают значение “обладающий признаком” (*слепец*, *чужак*, *кругляшка* и т. п.)», а «значение отвлеченного свойства (второй вид) возникает путем устранения указания на носителя признака» [19, с. 123–127].

Н.В. Белова более подробно рассматривает структуру словообразовательной парадигмы прилагательных-цветообозначений. В результате проведенного в ее диссертации анализа было выявлено, что «функционируя в тексте, отвлеченные существительные способны актуализовать два основных типа значений: 1) отвлеченное значение, тождественное значению исходного прилагательного (*синева неба*); 2) «определенное» (контекстуальное), являющееся производным от первичного отвлеченного значения (*Птицы кружатся в синеве = в синем небе*)» [7, с. 12].

Например, *синева* в нижеследующем предложении обозначает *синее небо* в зависимости от его положения в предложении и контекста, в котором оно используется.

Глубокая легкая *синева*, ни облачка, ни ветерка (Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003).

آسمان‌آبی (āseman-e ābi-ye) (روشن مطلق، نه ابری، نه نسیمی)

Однако в другом предложении она обозначает сам признак (*rang-e ābi* (رنگ آبی) в отвлечении от своего носителя:

Синева неба становилась глубже и как будто холоднее, а зарево заката окрасило снег тревожным пурпуром (Сергей Лапоников. Охота // «Дальний Восток», 2019).

رنگ آبی (rang-e ābi-ye) (آسمان تیره تر و گویی سردر می شد، و نور آتشین غروب خورشید، برف را ارغوانی دله راهی آوری رنگ آمیزی کرد).

Еще другие примеры:

Помню только, там были такие строчки: «Я пишу твой портрет, за окном *синева*...» (И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)).

فقط به خاطر دارم که آن جا چنین سطرهایی بود: «من در حال کشیدن تصویری از تو هستم، پشت پنجره آسمان آبی است...» (āseman-e ābi-ye).

Январь. За окном – *синева* вперемешку с *желтизной* (Родион Вореск. Альбом // «Бельские просторы», 2013).

ژانویه است. پشت پنجره، آسمان به رنگ آبی [rang-e zard] (زرد) است.

Снег еще не стаял и казался синеватым. В его крупных шершавых кристаллах зарождалась, наливалась *синева* озерной воды (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3 (1960)).

برف هنوز آب نشده بود و مایل به آبی به نظر می رسید. در کربستان های زبر و درشت آن رنگ آبی (rang-e ābi-ye) آب دریاچه، پدیدار و مملو از آن می شد.

В данном случае небесная *синева* ромовских глаз померкла и приобрела сине-чернильную густоту (Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // «Дальний Восток», 2019).

در آن حالت، رنگ آبی (rang-e ābi) (آسمانی چشمان روموف درخشش خود را از دست داد و غلظت جوهر آبی به خود گرفت).

Как видно из вышеуказанных примеров русское отадъективное цветообозначение-существительное в некоторых случаях обозначает отвлеченный признак, а в других – выражает опредмеченое значение, т. е. указывает на предмет, обладающий данным признаком. В подобных случаях выбор адекватного эквивалента зависит от контекста.

Об отадъективных существительных в персидском языке

М. Моин в своей книге о персидских отглагольных и отадъективных существительных пишет, что «авторы “Современной грамматики” различают понятия «اسم مصدر» [esm-e masdar] и «حاصل» [hāsel-e masdar]. Существительные, оканчивающиеся на «ش» [-š] и «ه» [-h] они называют «اسم مصدر»، а существительные с суффиксом «ـار» [-ār] – «حاصل مصدر»», и ничего о

«باء مصدری» [yā-e masdarī] не говорили. Однако в других книгах об одном из значений суффикса «-ی» [-i] написано: «دشمی [došmāni], دوستی [dustī], بستگی [bastegī], خوبی [xubi] и بدی [bādi]», а никаких указаний на то, как называются эти слова, в них нет» [3, с. 7].

М. Моин в итоге своих исследований о том, какие дериваты считаются «اسم مصدر» [esm-e masdar] и какие – «حاصل مصدر» [hāsel-e masdar], предлагает новую классификацию. По его мнению, «اسم مصدر» – это слова, отвлеченные от глагола и имеющие лексическое значение, тождественное семантике инфинитива и которые имеют суффиксы «-ش» [-eš], «-ا» [-ār] и «-ه» [-e]. Например: دانش [dāneš], خنده [xande], کردار [kerdār], کشتار [koštār] (от инфинитивов: دانستن [dānestan], خندیدن [xandidan], کردن [kardan] и کشتن [koštan]). А «حاصل مصدر» – это существительные, образованные от существительных или прилагательных и имеющие значение инфинитива, например: نیکی [niki] زندگی [zendegi] (نیکی کردن [niki kardan], زندگی کردن [zendegi kardan]). Итак, русское существительное, образованное от прилагательного, по своему значению ближе к персидскому «حاصل مصدر» [hāsel-e masdar] и может служить его аналогом.

В персидском языке одним из наиболее продуктивных способов образования существительных со значением отвлеченного признака является суффиксация, а именно образование отадъективных существительных с ударным суффиксом «-ی». Этот суффикс обладает широким спектром значений.

Ю.А. Рубинчик в книге «Грамматика современного персидского литературного языка» пишет, что «ی مصدری» [i-ye masdarī] «образует имена с отвлеченным значением: سرخی [sorxi] краснота – سرخ [sorx] красный» [20, с. 143].

Х. Фаршивард о словообразовательном суффиксе «-ی» [-i] пишет, что «иногда словообразовательные средства изменяют частеречную принадлежность слова; т. е. способствуют тому, что существительное преобразуется в прилагательное, а прилагательное – в существительное. Как, например, суффикс «-ی», образующий существительные (т. е. مصادری [i-ye masdarī]), который преобразует прилагательные в «اسم ذات» [esm-e zāt] и «اسم معنی» [esm-e ma'ni]. Например: سیاهی [siyāhi], زمین و سبزی [tabāhi], سبزی [sabzi]» [21, с. 81]. Далее автор разделяет все отвлеченные существительные персидского языка на «глагольные дериваты» (مشتق) [moštaqq-e fe'li]), образованные от корня глагола (например: دانا [dānā] и نادان [nādān]) и «неглагольные дериваты» (مشتق غير فعلی) [moštaqq-e qeyr-e fe'li]), отвлеченные не от глаголов, а от других частей речи (например: تهرانی [tehrāni] и ستمنگ [setamgar]) [21, с. 82].

Н. Фазел в своей книге более подробно рассматривает словообразовательные значения данного суффикса. Он пишет, что суффикс «-ی» происходит из двух разных источников в языке пехлеви. Поэтому следует подразделить его на две разновидности:

1. «[i]», происходящий от «[ih]»;
2. «[i]», происходящий от «[ik]».

К первой группе автор относит суффиксы со значением:

1. «Nomen qualitatis»: برادر بودن [barādari] ([barādar budan]), خوب بودن [xubi] ([xub budan]).
2. «Nomen actionis»: دگرگونی [degarguni], قبولی [qabuli].
3. «размерных характеристик»: تازگی [tāzegi], بلندی [bolandi].
4. «процесса»: زاری [zāri], عروسی [arusi], دیدنی [didani] [22, с. 23, 24].

Среди названных значений только первая разновидность относится к отвлеченным существительным со значением цвета. Следует отметить, что хотя дериваты «سفیده (sefide)», «زرده (zarde)», «بنفسه (banafše)» и т. п. образованы от прилагательных, но их относят не к синтаксическим дериватам, а к явлению лексической деривации, потому что их лексическое значение не тождественно значению соответствующих производящих.

Можно полагать вследствие этого, что при русско-персидском переводе основных цветовых обозначений следует употребить ударный суффикс «-ی», или предлагается, кроме указания на цвет предмета (при употреблении персидских дериватов, оканчивающихся на «-ی»), упомянуть слово «رنگ [rang]», потому что сочетания типа «آبی ی [ābi i]» в персидском языке не допустимы. Например:

Краски мешались, вплывались друг в друга: чернота земли и краснота листьев, древесная серость и зелень мха – все текло, медленно, вниз (Гузель Яхина. Дети мои (2018)).

[siyāhi-ye] رنگ ها ادغام و در یکدیگر ذوب می شدند. سیاهی [rang-e] زمین و سبزی [sorxi-ye]، «رنگ خاکستری» [tabāhi-ye] سبزی [sabzi-ye] خزه - همگی آرام به xākestari-ye] چوب و سبزی [sabzi-ye] پایین می ریختند».

Заключение

В результате сопоставительного рассмотрения русских и персидских основных цветовых терминов было установлено, что субстантиваты и субстантивы обоих языков обладают тождеством номинативной семантики с исходными прилагательными. Было выявлено, что русские отадъективные дериваты выражают два основных типа значений – отвлеченное и опредмеченное значение.

Однако для персидских отадъективных существительных характерно не только отвлеченное, но и инфинитивное значение. Например: «*синева* – آبی بودن [ābi budan]».

آبی بودن (ābi budan-e) آسمان نتیجه انتشار نور خورشید در تمامی جهات توسط مولکول های گاز در اتمسفر است.

Синева неба – результат рассеяния в атмосфере солнечного света во всех направлениях молекулами воздуха.

Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что при переводе отадъективных субстантивов с русского на персидский язык необходимо учитывать контекст и выбирать один из следующих вариантов:

1. Употребить ударный суффикс «-ي» [-i] (سفیدی *dandānhā*).

2. Поставить слово «رنگ [rang]» перед прилагательным, обозначающим цвет (رنگ آبی آسمان) [rang-e ābi-ye āsemān].

3. Употребить инфинитив «بودن [budan]» после соответствующего прилагательного (ابی بودن آسمان) [ābi budan-e āsemān].

А при переводе с персидского языка на русский необходимо выбрать подходящий отадъективный дериват. Следует отметить, что в некоторых случаях требуется изменить структуру предложения, что может привести к замене отадъективного деривата прилагательным. Например:

علت اصلی آبی بودن [ābi budan-e] نگ آسمان را می دانید؟

Знаете ли вы главную причину, по которой небо голубое?

Иными словами, при переводе отадъективных цветообозначений-существительных с русского языка на персидский и наоборот необходимо учитывать словообразовательный, семантический и контекстуальный аспекты.

Список источников

1. Ташлыкова М.Б. Семантика пристрастия в современном русском языке // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 32–38.
2. معین، م. اسم مصدر – حاصل مصدر – حاصل مصدر، چاپ چهارم، تهران: امیرکبیر، ۱۳۶۳. ۱۶۸ صفحه. Моин М. Эсм-е масдар – Хāsel-e masdar (Имя действия – Результат действия). 4-е изд. Тегеран: Амир-Кабир, 1984. 168 с.
3. Шарафутдинов Д.Р. Определение возможности синтаксической деривации существительного от прилагательного в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. 23 с.
4. Козлова Л.А. Сравнительная типология английского и русского языков: учеб. пособие. Барнаул: АлтГПУ, 2019. 180 с.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 28.11.2024).
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Белова Н.В. Словообразовательная транспозиционная парадигма русских прилагательных и ее семантико-коммуникативный потенциал (на материале прилагательных со значением цвета и интенсивности): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 25 с.
8. Кирилович Е. Очерки по лингвистике: сб. ст. // Деривация лексическая и деривация синтаксическая. К теории частей речи. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 57–70. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kurilovich/text.pdf> (дата обращения: 28.11.2024).
9. Малышева Е.Г., Рогалева О.С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование. Морфология: учеб.-метод. комплекс. М.: ФЛИНТА, 2014. 328 с.
10. Шарафутдинов Д.Р. Особенности представления субстантивных синтаксических дериватов в толковых словарях современного русского языка // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 228–237. URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/24061> (дата обращения: 28.11.2024).
11. Kay P., McDaniel Chad K. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. Language. 1978. Vol. 54, № 3. P. 610–646. URL: https://www.researchgate.net/publication/239023114_The_Linguistic_Significance_of_the_Meanings_of_Basic_Color_Terms (дата обращения: 28.11.2024).
12. Davies I., Corbett G. The basic color terms of Russian // Linguistics. 1994. № 32 (1). P. 65–90. URL: https://www.researchgate.net/publication/238337410_The_basic_color_terms_of_Russian (дата обращения: 28.11.2024).
13. Васильевич А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М., 2007. С. 9–28. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vasilevich-07.htm> (дата обращения: 28.11.2024).

14. Мурашова П.Д. Цветообозначения в художественном тексте на английском, немецком и русском языках в сопоставительно-переводческом аспекте (на материале современной английской и немецкой литературы и ее переводов): магистерская диссертация. Саранск, 2017. 164 с.
15. Ташлыкова М.Б. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: ИГУ, 2013. 277 с.
16. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976. 382 с.
17. Шанявская Н.Е. Синкетизм как черта отадъективных абстрактных существительных (на материале поэтических текстов) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2010. Т. 6, № 3. С. 170–175.
18. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2011. 328 с.
19. Янценецкая М.Н. Семантические вопросы теории словаобразования. Томск: Изд-во Томского университета, 1979. 242 с.
20. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Восточная литература, 2001. 600 с.
21. فرشیدوارد خ. جمله و تحول آن در زبان فارسی. چاپ سوم، تهران: امیرکبیر، ۱۳۸۲. ۵۵۶ صفحه
22. فاضل ن. جنگ دستور: گامی در راه آشنایی با دستور زبان فارسی. چاپ اول، -: مؤلف، ۱۳۷۴. ۴۹۲ صفحه

References

1. Tashlykova M.B. *Semantika pristrastiya v sovremenном russkom yazyke* [Semantics of predilection in modern Russian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta - Tomsk State University Journal*, 2009, no. 322. Pp. 32–38 (in Russian).
2. Moin M. *Nomina – actionis (Verbal noun)*. Tehran, Amir-Kabir Publ., 1984. 168 p. (in Persian).
3. Sharafutdinov D.R. *Opredeleniye vozmozhnosti sintaksicheskoy derivatsii sushchestvitel'nogo ot prilagatel'nogo v sovremennom russkom yazyke*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Determination of the possibility of syntactic derivation of a noun from an adjective in modern Russian. Abstract of thesis ... cand. of philol. sci.]. Ekaterinburg, 1998. 23 p. (in Russian).
4. Kozlova L.A. *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov: uchebnoye posobiye* [Comparative typology of English and Russian languages: a textbook]. Barnaul, AltSPU Publ., 2019. 180 p. (in Russian).
5. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYa)* [The Russian National Corpus (RNC)]. URL: www.ruscorpora.ru (accessed 28 November 2024).
6. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znanii o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznaniyu mira* [Language and knowledge: On the way to gaining knowledge about language: Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
7. Belova N.V. *Slovoobrazovatel'naya transpozitsionnaya paradigma russkikh prilagatel'nykh i eye semantiko-kommunikativnyy potentsial (na materiale prilagatel'nykh so znacheniem tsveta i intensivnosti)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The word-formation transpositional paradigm of Russian adjectives and its semantic and communicative potential (based on adjectives with the meaning of color and intensity). Abstract of thesis ... cand. philol. sci.]. Moscow, 2007. 25 p. (in Russian).
8. Kurilovich E. *Ocherki po lingvistike: sbornik statey* [Essays on linguistics, collection of articles]. *Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya. K teorii chastej rechi* [Lexical derivation and syntactic derivation. Towards the theory of parts of speech]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literatury Publ., 1962. Pp. 57–70 (in Russian). URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/kurilovich/text.pdf> (accessed 28 November 2024).
9. Malysheva E.G., Rogaleva O.S. *Sovremennyiy russkiy yazyk. Morfemika. Slovoobrazovaniye. Morfologiya: uchebno-metodicheskiy kompleks* [Modern Russian language. Morphemics. Word formation. Morphology: educational and methodical complex]. Moscow, FLINTA Publ., 2014. 328 p. (in Russian).
10. Sharafutdinov D.R. *Osobennosti predstavleniya substantivnykh sintaksicheskikh derivatov v tolkovykh slovaryakh sovremennoy russkogo yazyka* [Features of the representation of substantive syntactic derivatives in explanatory dictionaries of the modern Russian language]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta - Izvestia. Ural State University Journal*, 2002, no. 24, pp. 228–237 (in Russian). URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/24061> (accessed 28 November 2024)
11. Kay P., McDaniel Chad K. The Linguistic Significance of the Meanings of Basic Color Terms. *Language*, 1978, vol. 54, no. 3: 610–646 / URL: https://www.researchgate.net/publication/239023114_The_Linguistic_Significance_of_the_Meanings_of_Basic_Color_Terms (accessed 28 November 2024).
12. Davies I., Corbett G. *The basic color terms of Russian*. *Linguistics*, 1994, no. 32(1), pp. 65–90. URL: https://www.researchgate.net/publication/238337410_The_basic_color_terms_of_Russian (accessed 28 November 2024).
13. Vasilevich A.P. *Etimologiya tsvetonaimenovaniy kak zerkalo natsional'no-kul'turnogo soznanija* [The etymology of color names as a mirror of national and cultural consciousness]. *Naimenovaniya tsveta v indoevropeiskikh yazykakh: Sistemnyy i istoricheskiy analiz* [Color names in Indo-European languages: A systematic and historical analysis]. Moscow, 2007. P. 9–28 (in Russian). URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/vasilevich-07.htm> (accessed 28 November 2024).
14. Murashova P.D. *Tsvetooboznacheniya v khudozhestvennom tekste na angliyskom, nemetskom i russkom yazykakh v sопostavitel'no-perevodcheskom aspekte (na materiale sovremennoi angliiskoi i nemetskoi literatury i ee perevodov)* [Color terms in a literary text in English, German and Russian in a comparative translation aspect (based on the material of modern English and

- German literature and its translations]. Saransk, 2017. 164 p. (in Russian). URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5bb5c9577966e1073081bf78.pdf> (accessed 28 November 2024).
- 15. Tashlykova M.B. *Semanticheskiye etyudy o «sintaksicheskoiy derivatsii»* [Semantic studies on "syntactic derivation"]. Irkutsk, ISU Publ., 2013. 277 p. (in Russian).
 - 16. Arutyunova N.D. *Predlozhenye i ego smysl: Logiko-semantichekiye problemy* [The sentence and its meaning: Logical and semantic problems]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 382 p. (in Russian).
 - 17. Shanyavskaya N.E. *Sinkretizm kak cherta otad'ekтивnykh abstraktnykh sushchestvit'nykh (na materiale poeticheskikh tekstov)* [Syncretism as a feature of deadjectival abstract nouns (based on the material of poetic texts)]. *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*, 2010, vol. 6, no. 3, pp. 170–175 (in Russian).
 - 18. Zemskaya E.A. *Sovremennyy russkiy yazyk. Slovoobrazovaniye: uchebnoye posobiye* [Modern Russian language. Word formation: a textbook]. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2011. 328 p. (in Russian).
 - 19. Yantsenetskaya M.N. *Semanticheskiye voprosy teorii slovoobrazovaniya* [Semantic issues of the theory of word formation]. Tomsk, Tomsk University Publ., 1979. 242 p. (in Russian).
 - 20. Rubinchik Yu.A. *Grammatika sovremennoego persidskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Persian literary language]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2001. 600 p. (in Russian).
 - 21. Farshidvard Kh. *Jomle va tahavvol-e ān dar zabān-e fārsi* [Sentence and its transformation in Persian]. Tehran, Amir-Kabir Publication, 2003. 556 p. (in Persian).
 - 22. Fazel N. *Jong-e dastur: gāmi dar rāh-e āšnaii bā dastur-e zabān-e farsi* [Persian grammar: A step towards getting to know the grammar of the Persian language]. Moallef, 1995. 492 p. (in Persian).

Информация об авторах

Таджик Н., аспирантка, Тегеранский университет (ул. Северный Каргар, Тегеран, Иран, 1439813164).
E-mail: ntajik@ut.ac.ir; ORCID ID: 0009-0001-0231-9483

Мадаени-Аввал А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Тегеранский университет (ул. Северный Каргар, Тегеран, Иран, 1439813164).
E-mail: amadayen@ut.ac.ir

Захраи С.Х., кандидат филологических наук, профессор, Тегеранский университет (ул. Северный Каргар, Тегеран, Иран, 1439813164),
E-mail: hzahraee@ut.ac.ir

Information about the authors

Tajik N., postgraduate student, University of Tehran (North Kargar St., between 15th and 16th St., Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: ntajik@ut.ac.ir; ORCID ID: 0009-0001-0231-9483

Madayeni Avval A., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, University of Tehran (North Kargar St., Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: amadayen@ut.ac.ir

Zahraei S.H., Candidate of Philological Sciences, Professor, University of Tehran (North Kargar St., Tehran, Iran, 1439813164).
E-mail: hzahraee@ut.ac.ir

Статья поступила в редакцию 03.12.2024; принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 03.12.2024; accepted for publication 20.05.2025